Опочецкий краевед

Издание краеведческого клуба «Отчий дом» при Опочецком краеведческом музее

№ 2 **Февраль** **2020**

Древние традиции

Литая икона Богородицы

Эту литую икону – реплику Смоленской иконы Божией Матери – принёс на заседание краеведческого клуба «Отчий дом» 1 февраля 2020 года его участник Ф.И. Алексеев, старшие поколения семьи которого, проживавшие в Опочецком районе, придерживались дониконовского вероучения.

Икона воспроизводит в металле иконописный тип Одигитрия (Путеводительница). Как пишут, сама Смоленская икона Божией Матери, вероятно, является списком с Одигитрии Влахернской.

Металлические, литые образа характерны как раз для староверов. Начало и расцвет старообрядческого производства меднолитых крестов, икон и складней традиционно связывают с монастырями на реке Выг, где в XVII веке возродилась древнерусская традиция изготовления литых икон.

Соловецкий монастырь, насельники которого не желали служить по богослужебным книгам, присланным патриархом Никоном, в течение долгих восьми лет, с 1668 по 1676 год, упорно осаждали царские войска.

Когда Соловецкий монастырь был разгромлен, многие его насельники ушли в обители на реке Выг, которые основали преподобные Савватий и Гермоген.

В выгорецких монастырях и скитах, их окружавших, и отливали медные иконы в соответствии с древней традицией.

Выгорецкие мастера добились высокого технического и эстетического качества своих изделий.

В конце XVIII столетия возникают такие мастерские и в Москве; в следующем веке число старообрядческих медниц в России увеличивается.

В подобном литье так или иначе воспроизводится большинство иконописных сюжетов. При этом чаще всего мастера обращаются к образу Богоматери и изображениям святых.

Господь Иисус Христос, хотя и является Главой Церкви, в иконографии представлен значительно меньшим количеством иконографических типов, чем Богородица и святые.

Видимо, грешному человеку гораздо проще обратиться с прошением не к Богу, а к человеку же – Божией Матери или святому, даже если этот Бог – воплотившийся Бог Иисус Христос.

В этом выпуске:

Военный лётчик Вишняков, староверы и уникальный дневник опочецкого бухгалтера...2
Староверы Варыгинской волости 4
Страницы дневника. Опочецкое земство и видные жители Опочки.....6
«Красили сию церковь...» (*Продолжение)* 8
1-я Опочецкая уездная конференция физкультурников (1925 г.) 10
«Опочка». Первый путеводитель по городу и району 11
Редкие гости Опочки. Белощёкая казарка и белолобый гусь 12

Заседали, обсуждали, спорили

Военный лётчик Вишняков, староверы и уникальный дневник опочецкого бухгалтера

Заседание краеведческого клуба «Отчий дом» при Опочецком краеведческом музее 1 февраля 2020 года началось с доклада ***Фёдора Игоревича АЛЕКСЕЕВА*** о староверах Варыгинской волости. Поскольку работа получилась очень интересной и вызвала оживленное обсуждение участников клуба, она целиком опубликована на с. 4–5 настоящего выпуска «Опочецкого краеведа».

Ф.И. АЛЕКСЕЕВ

Главный хранитель фондов музея ***Александр Владимирович КОНДРАТЕНЯ*** рассказал собравшимся о военном лётчике Первой мировой войны Василии Фёдоровиче Вишнякове, уроженце деревни Сорокино Жадринской волости Опочецкого уезда.

В архиве в Великих Луках сохранилась автобиография лётчика, написанная им в 1927 г.

Василий Фёдорович Вишняков – обладатель солдатского Георгиевского креста всех четырех степеней (т.е. полный Георгиевский кавалер) и офицерского Георгиевского креста, а также двух орденов Св. Владимира. В советское время был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Родился Вишняков в 1889 г. в крестьянской семье, учился в церковно-приходской школе. Получив начальное образование, уехал на заработки в Питер, затем отбывал воинскую повинность.

Служил в воздухоплавательной роте в Санкт-Петербурге, потом его командировали учиться ремонтировать аэропланы. По окончании обучения Вишнякова перевели в Севастопольскую авиашколу, там он научился летать.

С 1913 г. служил в Осовецком крепостном авиационном отряде.

В авиации служил и во время Первой мировой войны.

И первый, и второй Георгиевский крест Вишняков получил, как представляется, за авиаразведку; третий – за выполнение секретного задания; четвертый – за сбитый немецкий самолёт.

С 1919 г. – в РККА, тоже в авиации.

Последнее место службы (1932 г.) – преподаватель по устройству и ремонту самолётов в одном из московских военных училищ.

После увольнения из армии вернулся в родные места. Был или председателем местного сельсовета, или председателем колхоза.

В годы Великой Отечественной войны непродолжительное время находился в партизанском отряде; два его сына были партизанами до освобождения района от немецко-фашистских захватчиков.

Скончался, по некоторым данным, в 1947 г. На похороны В.Ф. Вишнякова съехалось много военных со всей страны, над его могилой был дан салют.

Окончив доклад, Александр Владимирович познакомил участников клуба с некоторыми книгами по истории Первой мировой войны. Среди них – труд М.М. Пахоменковой «269-й пехотный Новоржевский полк. 1914–1918»; книга М. Клёпова «Офицеры Георгиевские кавалеры Первой мировой войны»; работа С.Н. Бирюка «За Веру, Царя и Отечество. Псковские полки в Первую мировую войну. 1914–1918 гг.» и т.д.

Как и было запланировано при разработке плана деятельности клуба на 2020 год – в связи с 75-летием Великой Победы непременно на каждом заседании одному из участников «Отчего дома» рассказывать о том,

как сказалась Великая Отечественная война на старших представителях его семьи, с сообщением о своих дедах по матери и отцу на этот раз выступил ***Лев Николаевич ХРЕНОВ***.

Оба его деда погибли на фронте. Сведения о них удалось найти, лишь когда в Интернете была сформирована ОБД (объединённая база данных) «Мемориал».

Дед Льва Николаевича по отцу, Павел Степанович Хренов, старший сержант, служил в 132-й стрелковой дивизии. Погиб 13 декабря 1941 г. Похоронен в Липецкой области, Становлянском районе, в поселке Красное.

Пётр ИВАНОВ с женой

Дед по матери, Пётр Иванов, лейтенант, служил в лётной части в Кировограде. Возможно, был техником.

Затем слово было предоставлено ***Нине Михайловне КУРГ***, учителю истории и краеведу. Она начала своё сообщение с публикаций о происшествиях в Опочке, увидевших свет на страницах дореволюционных периодических изданий и перепечатанных недавно районной газетой «Красный маяк» (материал был предоставлен А.В. Кондратеней).

О тех же самых событиях нашлись записи в дневнике её деда по матери Валента Яковлевича Плотникова.

И в «Псковской жизни» (№ 64 от 16 июля 1908 г.), и в дневнике Валента Яковлевича рассказывалось о большом опочецком пожаре. Тогда в городе сгорело много домов, поскольку Опочецкое пожарное общество работало неудовлетворительно.

Погиб в огне и большой двухэтажный дом Плотниковых, который в своё время был выкуплен у Андрея Васильевича Горланова. Этот дом окружало много построек, наверху были чистые комнаты.

Отец Валента Яковлевича – Яков Алексеевич Плотников – значился купцом 3-й гильдии. Его жену звали Мария Михайловна, у них было восемь детей. Яков Алексеевич скончался в 1912 г.

Как писали старые газеты, одной из серьёзных проблем Опочки было практическое использование большого каменного (южного) корпуса на городской площади. Многие его помещения пустовали. Но в восточной части корпуса размещалось городское училище.

Дед Н.М. Кург, Валент Яковлевич, в 1892 г. поступил в это училище, в 1897 г. закончил его коммерческое отделение.

На третьем этаже южного корпуса размещались классы училища; на четвёртом были кабинет и квартира инспектора. Нерадивых учащихся оставляли без обеда («без супа») и приводили в кабинет инспектора. Здесь они занимались под надзором начальства.

Валент Яковлевич был в своем выпуске самым маленьким. Весь выпуск составляли 11 человек.

В 1903 г. В.Я. Плотников уехал в Санкт-Петербург. Закончил там курсы Езерского (Невский, ул. Троицкая). Получил свидетельство на звание бухгалтера и 50 лет отдал этой профессии. Не только сам работал бухгалтером, но и обучал молодых людей счетоводству на курсах в Опочке.

Н.М. КУРГ

Практически всю жизнь Валент Яковлевич Плотников вёл дневник, фиксируя в нём и жизнь города, и образы своих земляков. Писал рассказы и даже пьесы, которые ставились на городской сцене.

Читателям «Опочецкого краеведа» будет предоставлена возможность познакомиться с литературным творчеством В.Я. Плотникова.

В ходе заседания клуба «Отчий дом» его президент ***Марина Станиславовна ЯКОВЛЕВА*** сообщила, что недавно опубликованные ею в Интернете отрывки из фронтового «Дневника» Лидии Александровны Белинской (вышел в свет в 2015 г. в Пскове, в издательстве ПОИПКРО) вызвали большой интерес и получили высокую оценку читателей как уникальный, неизбитый материал.

Поэтому имеет смысл подготовить интернет-издание этой книги к 75-летию Великой Победы и опубликовать её в Сети полностью.

В завершение М.С. Яковлева показала участникам клуба серебряную копейку-чешуйку, отчеканенную на Псковском монетном дворе в Смутное время (скорее всего, при Лжедмитрии III, известном в российской историографии как «псковский вор») и рассказала, где и при каких обстоятельствах на территории Опочецкого района монетка была обнаружена.

История религии

Староверы Варыгинской волости

В междуречье Иссы и Великой от деревни Варыгино на север до Велья и дальше до южной части Островского уезда жители сотен деревень более трёхсот лет исповедовали старую веру.

Как известно, церковный раскол произошёл при царе Алексее Михайловиче, отце Петра I, когда патриарх Никон повелел привести церковные богослужебные книги в соответствие с византийскими образцами.

Значительная часть населения не пожелала принять этих поправок, а власть подвергла раскольников гонениям.

Императрица Екатерина II, наконец, разрешила староверам открыто молиться и иметь свои молельные дома.

Однако при Николае I репрессии и гонения на староверов возобновились. Они продолжались затем фактически до 17 апреля 1905 г., до Высочайшего Указа «Об укреплении начал веротерпимости».

С приходом к власти большевиков началась борьба с религией, которая не обошла стороной и староверов.

Однако староверы смогли в самых сложных природных и политических условиях сохранить свою религиозную и культурную идентичность, не растерять язык и обычаи.

Но о самих староверах широким массам известно не так много.

Кто-то считает, что староверы – это люди с примитивным образованием, придерживающиеся устарелых способов ведения хозяйства.

Другие думают, что староверы – это люди, исповедующие язычество и поклоняющиеся древнерусским богам.

Третьи задаются вопросом: если есть староверы, то должна быть и какая-то старая вера?

Ответы на эти и другие вопросы я получил из беседы с ***Акилиной Егоровной ПЕТРОВОЙ***, бывшей жительницей деревни Зуица.

25 января 2020 г. я побывал у её в гостях.

Староверка Акилина Егоровна Петрова родом из деревни Тряпы. Сейчас ей 94 года. Она рассказала мне о своей жизни и о жизни староверов соседних с Зуицей деревень.

Дедушка и бабушка Акилины Егоровны, убежденные староверы, были родом из деревни Коношково. Они передали веру и обычаи её родителям, а те – Акилине Егоровне.

Она вышла замуж за старовера Фому Петрова в деревню Фёдоровское, там они прожили 51 год, а потом построили дом в деревне Зуица, на берегу речки Овнежа.

У них было трое сыновей.

Сейчас Акилина Егоровна живет в Опочке, на улице Красноармейской. Квартиру ей выделили власти, поскольку её муж был участником Великой Отечественной войны.

Отвечая на мои вопросы, Акилина Егоровна рассказала мне о вере, обычаях и нравах староверов Зуицы и близлежащих деревень (Седуниха, Шлёпиха, Самсониха, Коношково, Сосновица, Лопатчиха и Фёдоровское).

Жили староверы обособленно, жениться и выходить замуж можно было только за староверов. В семьях сохранялось строгое подчинение: есть можно было только после старших; если в избу заходил гость, то без разрешения хозяина порога не смел переступить.

У каждого была своя посуда, которую после еды нужно было отмолить. При этом посуду ополаскивали святой водой, которую сами и готовили, используя золотые и серебряные кресты.

Нельзя было пищу опускать в солонку, это называлось христопродажничеством.

Староверам строго запрещалось пить, курить и сквернословить, ибо Дух Святой в доме пребывать не будет.

Литая икона «Воскресение и Сошествие во ад»

Староверы были народ крепкий, доживали до глубокой старости.

В Великий пост мужчины не брились и не подстригали волосы.

Староверы всегда носили плетёный пояс, и нательный крестик тоже носили на плетеной веревочке.

Староверы отличались особым трудолюбием, не работали только в праздники, а в остальные дни – от зари до зари. На Пасху не работали семь дней.

Так же воспитывали и детей, прививали им бережное отношение к природе.

Строго соблюдали все посты, постились по средам и пятницам, не употребляя скоромной пищи.

Молились утром, днём и вечером, а также до еды и после неё.

У нас в семье сохранились иконы – в память о нашем дедушке, старовере Кононе Семёновиче Родченко, который тоже жил в Зуице.

Во время молитвы староверы клали земные поклоны. Использовали подручник в виде коврика, на который опускали руки с лестовкой.

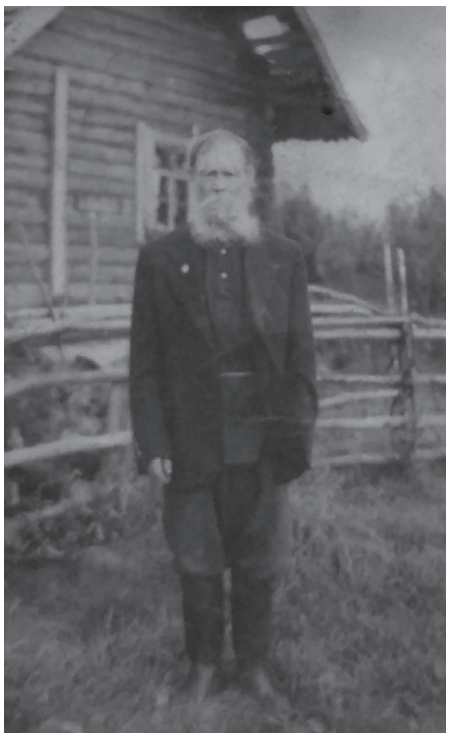
Коврик-подручник

Во время молитвы перебирали в пальцах складки лестовки и, дойдя до рубца, клали поклон.

После Великого поста нужно было отмолить 40 лестовок.

Из всех церковных Таинств староверы признают только крещение и прощение (т.е. исповедь. – Прим. ред.).

Молились староверы двумя перстами и приговаривали: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий».



Прадед Семён

Акилина Егоровна рассказала, что молиться ходили в церкви. Одна из них находилась в деревне Марфино, а другая – в Соснивице. До наших дней они не сохранились.

Обряд крещения совершали на реке или в церкви. По словам Акилины Егоровны, в большие бочки наливали холодную воду, даже со льдом, если это была зима. Младенца окунали с головой.

Обряд похорон проходил следующим образом: шили саван, для этого брали отрез белого полотна в две длины роста покойного, складывали пополам и с одной длинной стороны сшивали иглой, чтобы получился как бы капюшон, доходящий до пят.

На кладбище покойника никогда не поминали, а раздавали милостыню.

Поминали умершего дома овсяным киселем и окрошкой.

На могиле устанавливали каменный крест или выкладывали его из земли.

Вот так выглядят кресты на староверских кладбищах, в частности, на кладбище в деревне Самсониха, там захоронены мои прадедушка Семён и прабабушка Ефросинья.

Акилина Егоровна рассказала также, какие раньше в староверских деревнях были престольные праздники.

В Фёдоровском и Зуице престол приходился на яблочный Спас; продолжался он два-три дня.

В праздничные дни гармонисты играли, а другие, как и положено в праздники, пели и танцевали.

Ярмарки проходили в определённые дни.

В Варыгине – в Духов день, в Антонове – в Петров день, в Жёлобове – в день Кузьмы и Демьяна.

Лестовка

Надо сказать, что староверов осталось мало, буквально единицы. Можно сказать, что старая вера уходит в историю, так как старики умирают, а молодежь уезжает из деревень, крестит своих детей уже в православных церквах.

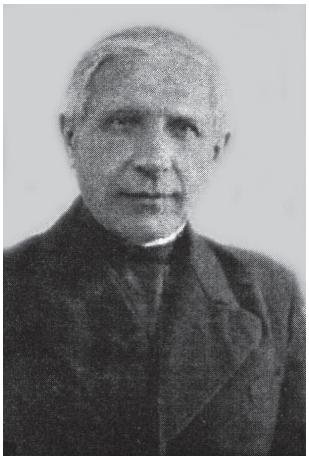
Деревни исчезают, а в тех, что ещё существуют, часто живут по одному-два человека.

В заключение нашей беседы Акилина Егоровна сказала мне, что её дети были крещены в старую веру, а вот внуки – уже православные…

Фёдор АЛЕКСЕЕВ

Из личных архивов

Страницы дневника. Опочецкое земство и видные жители Опочки



Валент Яковлевич ПЛОТНИКОВ, автор уникального дневника, повествующего об Опочке

***

Опочецкое земство открылось в Опочке 22 марта 1865 г. первым собранием дворян, помещиков, землевладельцев Опочецкого уезда.

Задавали тон богатые и знатные дворяне, они были в меньшинстве, но их поддерживали, ими восхищались, когда они разглагольствовали о прогрессе. Всё остальное большинство, в массе – захудалое дворянство, невежественное, полуграмотное, – владельцы земли в уезде, на которой для них трудилось полуголодное, столь же невежественное и тёмное крестьянство.

***

Земская управа начала работать с 26 апреля 1865 г., разместившись в каменном двухэтажном доме по Великолукской улице (ныне Ленинская), построенном Данилой Порозовым.

Первым председателем управы (1865–1867) был Александр Александрович Померанцев.

***

Земская больница в Опочке построена при энергичном земце – предводителе дворянства Николае Петровиче Травине в 1893–1894 гг.

Она построена из хорошего красного кирпича, просторная, удобная.

На её фронтоне выложена надпись: «Земская больница». При советской власти надпись уничтожили.

Больница строилась за чертою города, на земле сельца Бисерево <…>.

Усадьба Бисерево стояла на возвышенном берегу Великой в полуверсте от села Петровская Мыза.

К тридцатым годам текущего столетия усадьба погнила и развалилась, исчезнув с лица земли. Аллея от дороги к усадьбе была вырублена и того раньше.

***

Против больницы в глубине двора за кирпичной оградой с просветами доныне стоит вычурный дом, построенный опочецким исправником Глушаниным. Позади дома Глушанин насадил огромный фруктовый сад, уходивший к берегу Великой, обсаженный липами.

У населения города так и запомнилось на полвека: «глушанинский сад».

На пригорках у его ограды жители города отдыхали под густою сенью лип. За садом купались в прозрачной воде Великой.

Отсюда открывался чудесный вид на город за рекою, на возвышающуюся над водою реки зеленую массу крепостного вала. По берегам Великой сидели рыболовы с удочками. Было тихо и спокойно.

***

Вдоль дороги за домом Глушанина с одной стороны, за больницей – с другой начинались огороды Абрама Васильевича Корсакова – полуграмотного мужика, в течение полувека снабжавшего население города свежими овощами, приумножавшими богатства огородника.

В девятисотые годы Корсаков заметно разбогател, приобрёл в собственность земли Бисерева, построил рядом с домом исправника собственный дом с мезонином и целую группу строений с амбарами и подвалами для хранения овощей.

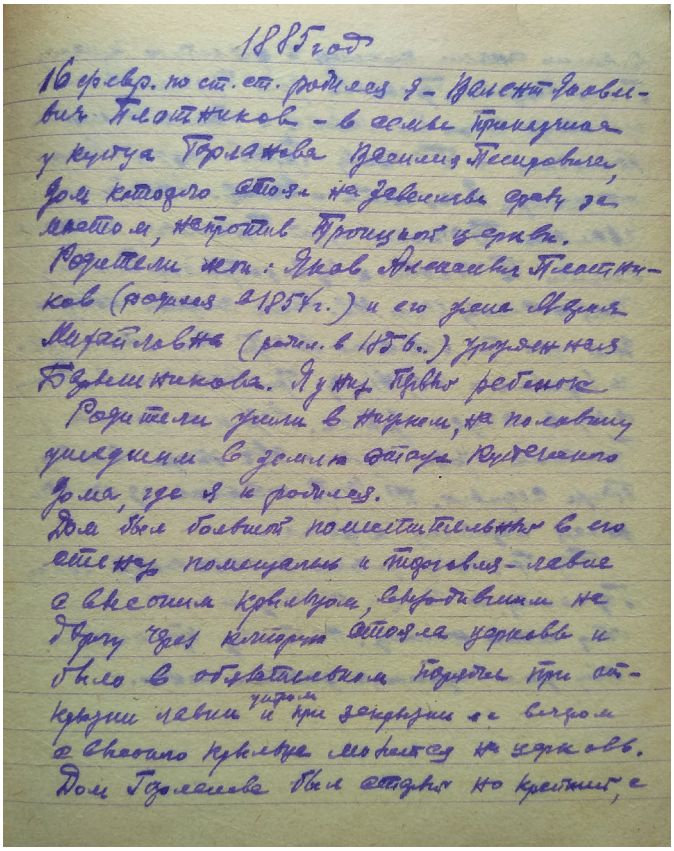
Абрам Корсаков имел большую семью. Сыновья, зятья, внуки копались на огородах с ранней весны до поздней осени, накапливая богатства деду.

Характерно – вся многочисленная семья была малограмотна, невежественна, но весьма смышлена в наживе и без ропота подчинялась одному старому деду. А дед был властный.

В парниках огородов Корсакова снимались ранние овощи и развозились по богатым домам: огурчики, редиска, продаваемые дорогой ценой.

С мая мес[яца] повозка с овощами разъезжала по городу целое лето; ежедневно овощи продавались возами.

Огородник Корсаков – крепкий ста-



1885 год

16 февр. по ст. ст. родился я – Валент Яковлевич Плотников – в семье крестьянина у купца Горлянова Василия Тимофеевича, дом которого стоял на девятнадцать сажень за мостом, напротив Троицкой церкви.

Родители мои: Яков Ананьевич Плотников (родился в 1854 г.) и его жена Мария Михайловна (рожд. в 1856 г.) урожденная Будешникова. Я у них первый ребенок.

Родители жили в нужде, на полавину унаследили в земле отца Кузьмина дома, где я и родился.

Дом был большой помещительный в его стенах помещались и подгоняли – лавки с высокими крыльцами, выходившими на дорогу чуть которого стояла церковь и было в отдаленьи базарных при открытии лавки утром и при закрытии их вечером с высокого крыльца молились на церковь.

Дом Горлянова был отдан по крепкий с

рик, небольшого роста, с бородой лопатой, с вкрадчивым елейным голосом, окающий, мало спорящий – был человек себе на уме.

За подхалимство и сугубую елейность жители Завеличья выбрали Корсакова церковным старостой Троицкой церкви.

Троицкая церковь и дом Плотниковых (Горлановых) на берегу Великой

Корсаков лицемерно молился, хозяйски беспокоился о порядках в церкви, но скупо тратил деньги на благолепие, не оправдав надеж прихожан.

На прошениях псковскому архиерею он подписывался: «Смиренный Авраамий» – и получал благодарность.

Октябрьская революция разметала кулацкое гнездо.

Мужики большой семьи запили горькую, поумирали озлобленными; молодежь разъехалась из города.

***

Село Петровская Мыза под городом, на Завеличье, в сосновом лесу, принадлежало графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому <…>. По преданию, в 1780 г. в усадьбу Петровского заезжала Екатерина Великая.

Позже [несколько раз меняло владельцев и затем] перешло к дворянам Янович.

Дом в имении Петровская Мыза времен Екатерины Великой сложен из дикого камня, несколько раз переделывался. Одно время в нём была ткацкая фабрика. Многие годы пустовал, был неудобным и неуютным. Владельцы в нём ютились в отдельных комнатах и пристроенных флигелях.

Вокруг Петровского был обширный сеяный сосновый парк, из которого фасадом на дорогу и с видом на город выступал дом.

Горожане приходили в парк на прогулки, наслаждались природой, любовались картиной раскинувшегося за рекой города.

За парком в Гребенях стоял скотный двор мызы, сложенный из булыжного камня.

От главного дома в Петровском до Гребеней, на расстоянии версты, шла аллея.

Гребенёвская ветряная мельница

В стороне стояла, тоже из дикого камня, Гребеневская ветряная мельница, к которой также шла аллея из парка. В 1919 году, когда понадобился камень для постройки временного моста через Великую в городе, мельницу разобрали.

Постепенно Петровский парк вырубался, имение хирело, жилые флигеля сгорели, хозяйственные постройки разваливались.

Уже значительно позже, постояв долгое время в запустении, Петровская Мыза отошла совхозу Красных фронтовиков. Дом, отремонтировав, заселили рабочие совхоза.

В 1948 году в доме случился пожар, после которого советская власть отпустила на его восстановление 170 т[ысяч] р[ублей].

Дом привели в порядок, сделав более удобным для жилья.

Парк при Петровском окончательно истребили немцы в оккупацию 1941–1944 гг. Устроили на земле парка, позади усадьбы, при дороге кладбище, построили каменные ворота.

Советская власть, очистившая свою землю от захватчиков, на месте кладбища выстроила лесопильный завод совхоза.

***

Книга драматурга Виктора Александровича Крылова, посвященная характеристике опочецких помещиков второй половины XIX века, издана была в СПб в 1869 году под заглавием:

«Столбы – старая погудка на новый лад. Черты города Провалишина».

Крылов посетил Опочку сразу после освобождения крестьян, жил в Петровском у тогдашних владельцев – дворян Янович.

С веранды дома, по фасаду, если смотреть в сторону Опочки, она кажется стоящей в яме, будто провалившейся; отсюда Крылов положил в свою книгу название Провалишин.

Опочка действительно мало видна издали, с какой бы стороны к ней ни подъезжать.

Заречная часть города – Завеличье – стоит значительно выше низменного [правого] берега Великой, где находится городская площадь и где проходит Киевское шоссе – центральная улица Опочки.

Валент ПЛОТНИКОВ

История храмов

«Красили сию церковь...»

Продолжение. Начало в № 1

Вот потому «красили сию церковь» далеко не просто так, не потому что время пришло, а с тем расчётом, чтобы враги веры не имели возможности придраться к внешнему виду церкви. Ведь новая власть объявила всю церковную утварь и недвижимость народным имуществом. Если церковная община не может содержать культовое здание должным образом, то она – в соответствии с типовым договором, подписанным «двадцаткой», – законно и навсегда лишается этого объекта. И тогда церковное здание утилизируется для нужд сельсовета, колхоза... Так Троицкий храм в Опочке утилизировали под зерносклад, в Каменскую церковь загнали лошадей, в Матюшкинской, стоящей на кладбище, устроили клуб...

На колокольне Теребенской церкви запечатлены пять фамилий и имён... Интуиция с первого же взгляда подсказала мне, что это фамилии участников теребенской «двадцатки», тех людей, которые в жёстком противостоянии с всесильной властью, рискуя жизнью – своею и близких – в мрачные годы богоборческого мракобесия пытались своими слабыми силами отстоять этот храм для потомков.

На мысль, что не простые маляры здесь отметились, меня навело употреблённое в скупом тексте надписи церковно-славянское слово «сию». Обычный, не имеющий отношения к религии человек, тем более сугубо трудовой, так не скажет и не напишет.

Моё интуитивное прозрение о том, что не о малярах на колокольне толк, а о борцах религиозного сопротивления, так и осталось бы гипотезой, если бы не вышла в свет замечательная книга «Опочка: 1917–1941». Изучая эту книгу, я наткнулся на страницу 176-ю, где речь идёт о церкви в селе Теребени и о той борьбе, которая вокруг этого храма в предвоенные годы развернулась. На этой странице вдруг всплыла – к моей радости – фамилия, которую я имел возможность созерцать на колокольне.

Читаем у С.А. Алексеева: «При церкви нашли приют монашки: Матрёна Анисимова из д. Ступино и Ольга Королёва из Бороусово» (стр. 176).

Ольга Королёва... Именно её фамилия, имя и отчество стоят за первым номером в карандашном списке на колокольне. Уже это позволяет допустить, что запись сделана её рукой. Ставя свои данные в первую строку, она берёт всю ответственность на себя и готова отвечать по всей строгости закона. Становится ясно теперь, что церковно-славянское слово «сию» обронено в тексте не случайно: возвышенный книжный язык не чужд Ольге Королёвой – она монашка.

Так я обнаружил первую из двадцати (как минимум) персон теребенского сопротивления, героической «двадцатки».

Это Ольга Фроловна Королёва из деревни Бороусово.

Второй участницей местного религиозного общества была, вероятно, другая монашка – Матрёна Анисимова из деревни Ступино.

Но вернёмся к Ольге Королёвой. Её место в списке – первое – говорит о том, что это женщина с активной жизненной позицией. «Коня на бегу остановит, в горящую избу войдёт» – это про неё. И тому нашлось подтверждение. Из уст младшей современницы «двадцатки»...

В лихие тридцатые годы, когда мужественная теребенская «двадцатка» отстаивала в борьбе с всемогущей властью свой храм, в деревне Шестниково, где «баньки, что кукушки, сидят вдоль речки Серебрянки», жила девчушка Женя. Была она бойкая и трудолюбивая. Вместе с сестрой Тоней, которая была постарше, носили молоко на Болгатовский маслосырзавод. И до сей поры помнит она маслобойку, которую работницы (женщины) крутили вручную...

В 2018 году Евгении Филипповне Шабановой стукнуло... 91 год. На десятый десяток перевалило. И она – на своих ногах, в полном разуме и надёжной памяти. Только зрение вот подсело изрядно. (О Е.Ф. Шабановой можно почитать в номере районной газеты «Красный маяк» от 18.01.2020, «Жизнь глазами деревенской девчонки», автор Д. Григорьев. – *Прим. авт.*)

Я ухватился за Евгению Филипповну, как за последнюю соломинку. В 1940/41 учебном году она ходила в пятый класс Теребенской семилетки, в селе Теребени бывала почти каждый день. Разговаривать мне с Евгенией Филипповной было легко, поскольку она в детстве знала моего отца Евгения Степановича. Они – Евгений и Евгения – вместе учились в Болгатовской начальной школе...

«В Теребенях перед войной было две школы – старая одноэтажная и новая – в два этажа – семилетка. Директором школы была Крючникова Анна Тимофеевна, она же учитель истории. Ростом не велика, но очень подвижная, живая. Директор и все наши учителя строго запрещали нам ходить в церковь. За это ругали на линейке перед всей школой.

А церковь-то стояла совсем рядом! И мы вкрадки бегали туда. Даже на больших переменах. Заглядывали внутрь... А там такая дивная красота! И народу собиралось порядочно, куда больше чем сейчас. Ничего про «двадцатку» я не знаю... Помню только одну монашенку... Она всегда ходила в чёрной одежде. Ростом была не высока. А запомнилась она мне вот чем: только ей одной разрешено было заходить в алтарь... У меня и поныне будто перед глазами стоит, как она заходит в алтарь и зажигает там свечи...

Как сейчас помню: был выпускной вечер 21 июня в школе... А назавтра в полдень объявили: война!»

Фамилию, имя монашки Евгения, конечно, не запомнила. Впереди было столько страшных событий, врезавшихся в память... И всё же монашенка, входящая в святая святых храма и возжигающая там свечи – это запало в юную душу Евгении «по гроб жизни». Не сомневаюсь, что этой монашкой была Ольга Королёва.

Ольга Фроловна была связана с деревней Бороусово. Но остаётся

открытым вопрос: это её родина? Или монашку, бежавшую из разорённого монастыря, приютили в деревне люди добрые (или знакомые)?

Давайте же, друзья, ещё раз – внимательно – всмотримся в текст на колокольне: «красили сию церковь»...

Как заметил классик, «тут придётся сильно напрягать внимание, пока заставишь перед собой выступать все тонкие, почти невидимые черты»... (Н.В. Гоголь, «Мёртвые души», том первый, глава вторая).

Первой в списке идёт Королёва Ольга Фроловна. Вторым номером – Фролова Антонина Семёновна... Стоп! А случайно ли то, что отчество Ольги Королёвой совпадает с фамилией второй персоны списка?!

Напрашивается такое объяснение...

С второй половины XIX века крестьяне, прежде бесфамильные, начали получать фамилии. Фамилию главе крестьянской семьи и его домочадцам давали, не мудрствуя лукаво, по его имени. Если крестьянина звали Григорий, то ему присваивали фамилию Григорьев. Так в России появилась бесчисленное множество Иванов Ивановых, Петров Петровых, Тимофеев Тимофеевых...

За примерами из живой жизни далеко ходить не надо. Мой прадед из Поповой горы звался Николай Николаев. А его свояк из деревни Вальково – Александр Александров.

Тенденция упрощённо наделять человека фамилией, производной от имени, стала в наших краях почти железным правилом. Редко кто избежал его.

Вернёмся к списку «красили сию церковь»... Первая в нём – Ольга Фроловна. Следующая – Фролова Антонина Семёновна. Имя Фрол, не частое в обиходе, здесь употребляется дважды – в отчестве и в фамилии. Простым совпадением это быть... может, но едва ли это пустая игра случая.

Дерзну предположить, что первая и вторая персоны списка связаны родственной связью. Но какой? Да самой что ни на есть кровной: Антонина Семёновна – мать Ольги Королёвой!

Фамилия матери Ольги – Фролова. Это фамилия мужа Антонины Семёновны. Если отчество Ольги – Фроловна, то естественным образом вытекает, что мужа Антонины, отца Ольги звали Фрол. А полностью – Фрол Фролов. Из деревни Бороусово.

Питая искренние дочерние чувства к любимой матушке, Ольга символически приблизила её к себе в составленным своею рукой списке. Теперь мы с большой долей вероятности можем быть уверены в том, что Ольга Королёва проживала у себя на родине, в деревне Бороусово, под крышей дома матери Фроловой Антонины Семёновны.

Об Антонине Семёновне Фроловой мы можем предположить, что она была женщина верующая и состояла в теребенской церковной «двадцатке».

В страшном 1938 году мать вместе с дочерью участвовали в косметическом ремонте своего приходского храма – с тем, чтобы помешать богоненавистникам под предлогом ненадлежащего ухода за церковным зданием закрыть в селе Теребени старинную церковь. Это был поистине подвиг.

Ольге Королёвой смелости было не занимать. Будто «дразня собак», то есть местных активистов и заезжих – с инспекциями – «партейцев», Ольга ходила в чёрном монашеском одеянии, не переменила его на мирское платье. Таким же образом поступала и вторая монашка Матрёна Анисимова из Ступино.

Мне представляется, что именно Ольга из всех защитников церкви выделялась особенной отчаянной смелостью. За отсутствием в церкви священника она входила в алтарь, зажигала там свечи и, может быть, руководила проведением служб в храме.

О том, что смелость была отличительной чертой Ольги, говорит и тот факт, что она взяла себе столь броскую фамилию – Королёва.

Впрочем, могло быть и так: Ольга осталась вдовой (муж её мог быть убит на фронте в Первую мировую) и от безутешного горя подалась в монастырь...

Похоже, что в личности этой «боевой» женщины не последнее место занимала такая черта, как максимализм. За что она ни бралась, всё исполняла неистово. Рано разочаровавшись в жизни (или в любви?), приняла решение уйти в монастырь. Но и там не смогла скрыться от тяжёлого дыхания мира...

Богониспровергатель и храморазрушитель тов. Китаев, призывая в 1940 году через опочецкую прессу ликвидировать последний очаг веры на территории Опочецкого военного округа, сам не желая, оставил нам хоть какой-то, пусть куцый, исторический материал о теребенском сопротивлении. Материал, которым мы с вами, уважаемый читатель, не преминем воспользоваться.

Но кто же этот Китаев? А он – лицо, прямо заинтересованное в уничтожении церквей, поскольку он – председатель райсовета СВБ, Союза Воинствующих Безбожников.

Он обрушился на теребенскую святыню в 1939 году, поздновато уже, когда репрессии пошли на убыль, и уже не сажали всех без разбору.

Теперь приходилось формально соблюдать принципы социалистической демократии, а не брать на арапа.

Особенно там, где советские люди объединённо и упорно отстаивали свои законные права. Год на дворе стоял не 37-й.

В сложившихся новых условиях тов. Н. Китаев был вынужден обращаться к рупору партии, местной прессе. С тем, чтобы разбудить и возбудить общественность на борьбу с последним оплотом религиозных пережитков.

Похоже, закрыть Теребенскую церковь стало для Китаева делом его чести. Читаем у С.А. Алексеева: «Председатель райсовета СВБ Н. Китаев трижды публиковал в местных газетах выступления о закрытии Теребенской церкви».

Чтобы успешно совершить своё злодеяние, районному СВБ во главе с Китаевым нужно было задействовать в этом спектакле народные массы, которые по уготованному сценарию категорически потребовали бы у властей ликвидации пристанища религиозного мракобесия и колдовства.

Но в народе, даже и в колхозном (почитай, крепостном), таких настроений не наблюдалось.

«Плохо мы ещё воспитываем нашу молодёжь», – сказал бы тов. Саахов.

Теребенцы и их соседи по краю упорно не желали утилизировать свою древнюю святыню.

Тов. Китаев через рупор окружной газеты кричал о том, что «в действующую церковь ходит лишь незначительная часть местного престарелого населения; большинство же колхозников – против церкви».

Продолжение следует

Александр ВЕРЕСИН

История спорта в Опочке

1-я Опочецкая уездная конференция физкультурников (1925 г.)

Освальд Иванович ЗАКИС

17 ФЕВРАЛЯ 1925 года проходила 1-я Опочецкая Уездная конференция физкультурников. Председатель конференции – т. Закис. В президиум были избраны представители местных советских организаций: Закис, Мещерский, Двинский, Березин, Мышинский, Кузьмин и Владимиров.

На конференции присутствовало 200 человек.

Были заслушаны следующие выступления: о Красном спорт-интерне; доклад Уездного Совета физкультуры (УСФ) о его деятельности за 1924 год; о значении физкультуры для трудящихся; о значении физкультуры с точки зрения медицины; о физкультуре и РЛКСМ.

Доклад о деятельности Совета физической культуры в 1924 году представил Закис.

Докладчик говорил, что УСФ образовался в октябре 1924 года. Совет создавался в очень тяжелых материальных условиях, которые не позволили развернуть работу, не было возможности нанять инструктора. В первое время Совет вел только агитационную работу, разъясняя значение физкультуры для трудящихся.

В прошлом году (1924) зимою было устроено только конькобежное состязание, в котором первенство заняли те товарищи, которые уже давно занимались этим спортом. Летом того же года было устроено футбольное состязание между Новоржевом и Опочкой. Состязание происходило в Пушкинских Горах. В этом состязании опочецкая команда, несмотря на плохую подготовку, все же сыграла со счётом 1:1. Также опочецким спортсменам пришлось принять участие в Губернской Олимпиаде. Участие заключалось в игре в футбол опочецкой команды с Новоржевом, где Опочка оказалась побежденной. В состязаниях по легкой атлетике на Губолимпиаде участвовало 5 человек, из коих 2 товарища заняли вторые места, один по бегу, а второй – по метанию копья.

Осенью была устроена Уездная олимпиада. Главным недостатком этой олимпиады было небольшое количество участников, хотя о ней было хорошо оповещено по всему уезду.

В настоящее время Совет направил все свое внимание на подготовку летнего спорта, на это изыскиваются средства. Что касается кружков, то для более плодотворной их работы необходимо, чтобы они наладили как следует дисциплину, и вообще внутреннюю жизнь. Каждый работник – член спорт-кружка – должен проявить собственную инициативу в деле по физвоспитанию.

Закис докладывал, что в настоящее время Совет Физкультуры направляет работу по физвоспитанию в двух кружках и в школах II-й ступени с общим количеством занимающихся 400 человек.

В заключительном слове т. Закис подчеркнул, что УСФ думает в будущем усилить материальную помощь путем получения дополнительных средств от уездного бюджета, путем постановки платных вечеров, привлекая к этой работе всех без исключения членов спорт-кружка, путем организации лотерей и других мероприятий.

К лету УСФ приложит все усилия для организации и оборудования летней спортплощадки и гимнастического городка силами членов спорт-кружка, по примеру субботников, проводимых в 1919–1920-х годах.

Есть надежда получить дополнительные средства от заинтересованных ведомств и Упрофбюро, последнее крайне заинтересовано физвоспитанием, ибо на днях при Упрофбюро создается физкультурный кружок.

После конференции были представлены некоторые показательные номера спортивных выступлений, а именно: показательные выступления на турнике (исполняли члены спортивной группы КИМ); комбинация вольных упражнений (группа девочек КИМ); пирамида группой девочек КИМ; упражнения с гирями (группа мальчиков КИМ); показательные движения с планками по сокольской гимнастике (группой мальчиков школы II ступени). Далее – античные картины в позах: рыбак тащит невод, поза Наполеона, начинающий борец, борец через три года, поза боксера, игра мускулов.

УКОМ Р.К.П. и УКОМ Р.К.С.М. 1922 года.
Сидят (слева направо): И.И. Васильев, А. Серебренников, В. Волин, Г. ..... В. Иванов, О. Закис, А. Базаров.
Стоят: М. Троузберг, Н. Корненко, Н. Васильев, Л. Блохина, И. Семиневич, А. Алексеев, Г. Селюгин, С. Ковалев, А. Лимосон.

Античные картины в позах исполнял профессионал-борец Синягин.

Александр КОНДРАТЕНЯ

Книги об Опочке

«Опочка». Первый путеводитель по городу и району

Первый путеводитель по Опочке так и назывался – «Опочка»; он вышел в свет ещё в 1973 г. (Л.: Лениздат). Авторы – Н.И. Васильев, А.В. Степанов, Т.Ф. Фёдоров.

Теперь это, видимо, библиографическая редкость, хотя книжечка была отпечатана довольно большим, особенно по современным представлениям, тиражом – 25 тыс. экз.

Именно в таком качестве – как раритет – этот путеводитель и следует рассматривать сегодня, поскольку с 1970-х гг. краеведение сильно шагнуло вперёд, многое уточнено, обнаружен целый массив сведений, которыми авторы первого путеводителя по Опочке просто не располагали.

Например, на с. 7 путеводителя опубликована фотография обломанного креста на кладбище городища Коложе с утверждением, что он относится к XI–XII вв. Сейчас известно, что изготовлен этот крест не ранее XVI в. – об этом свидетельствует традиционная надпись на кресте «Царь Славы Иисус Христос Ника». Буква Н здесь высечена так, как её писали в XVI столетии, – уже не с косой, а с горизонтальной средней чёрточкой.

На с. 26 помещен снимок кирпичного дворца в Крулихине с подписью «Село Крулихино. Остатки барского дома конца XVIII века (бывшее имение князя Львова)».

В этом тексте – две фактических ошибки. Здание было построено, скорее всего, веком позже; крулихинские Львовы князьями не были, хотя герб князей Львовых, рюриковичей, и изображен на потолке парадного зала полуразрушенного дворца.

Крулихинские Львовы – молодой дворянский род, его хронологические рамки в России – 1702–1917 гг. Пошли они не от Рюрика, а от подъячего петровских времён Мишки Фомина, сына которого, подпоручика, звали Лев Михайлович.

На с. 38 подпись к фотографии дома Куколькина, где сейчас находится музыкальное отделение школы искусств, утверждает, что это здание – конца XVIII в. Опять-таки ошибка, оно построено уже в XIX-м.

На с. 41 – снимок Опочки начала XX в. Подпись под ним гласит: «Опочка в конце XVIII века (часовня, училище, земская больница)».

На с. 49 просфорная при Казанской церкви в Глубоком почему-то названа жилым домом начала XIX в. Хотя сам храм был построен в 1853 г. князем А.М. Дондуковым-Корсаковым. Скорее всего, и просфорная, сложенная из дикого камня, примерно того же времени.

На с. 77 под фотографией ул. Ленина стоит: «Одна из центральных улиц Опочки (Коммунальная ул.)».

Всё отмеченное выше можно, видимо, отнести частично даже не к ошибкам, а к закономерным последствиям халатно проделанной редакторской работы над книгой.

Однако есть в путеводителе «Опочка» и вполне умышленные искажения фактов. Касается это, в первую очередь, летчиков Романенко и Царькова.

В книге на с. 99–100 написано:

«В этот же день (12 июля 1944 г. – *Прим. М.Я.*) на подступах к Опочке совершили свой подвиг <...> лейтенант А. Романенко и воздушный стрелок С. Царьков. [О]ни возвращались на свой аэродром. Над Опочкой самолёт был подбит. Лётчики <...> направили свой горящий самолёт прямо в колонну немецких войск. Отважные соколы, повторившие бессмертный подвиг капитана Гастелло, посмертно награждены **орденами Ленина**».

Об А. Романенко подробно рассказывается в статье А.В. Кондратени «Александр Романенко. Из истории одного подвига», опубликованной в ежемесячнике «Голос былого» (№ 7, с. 2–5), выходившем в 2014–2015 гг.

Там, в частности, сказано:

«<…> Александр Романенко уничтожил 23 гитлеровца, 13 подвод, груженных минами, 2 автомашины с кухней и 13 гитлеровцев ранил».

Согласно документам, Романенко был награждён орденом Отечественной войны I степени, Царьков – орденом Отечественной войны II степени.

Почему в путеводителе опубликована искаженная информация?

Известно, что директор Опочецкого краеведческого музея Т.Ф. Фёдоров, один из авторов путеводителя «Опочка», хлопотал о посмертном присвоении звания Героя Советского Союза Александру Романенко.

Хлопоты оказались безуспешными.

И вот тогда, видимо, Т.Ф. Фёдоров, в качестве компенсации, решился на фальсификацию данных – самовольно повысил статус посмертных наград лётчиков до орденов Ленина.

Марина ЯКОВЛЕВА

Природа родной земли

Редкие гости Опочки. Белощёкая казарка и белолобый гусь

В конце ноября – начале декабря 2016 г. на Великой в Опочке натуралистами-любителями были замечены редкие гости – белощекая казарка и белолобый гусь.

Как представляется, они с опозданием следовали к местам зимовки в Западную Европу и остановились в нашем городе на отдых.

Держались залетные гости вместе с постоянно живущими в Опочке на Великой утками-кряквами, в районе городского стадиона и висячего мостика, ведущего к больнице.

Белощекая казарка, некрупный изящный гусь, гнездится в Гренландии, на Шпицбергене, Новой земле и острове Вайгач, на побережьях Баренцева моря; большая колония недавно образовалась на острове Колгуев.

Миграции белощекой казарки, осенние и весенние, проходят Беломорско-Балтийским путём, с основными остановками в Прибалтике и на побережье полуострова Канин.

Гнездящиеся в России белощекие казарки зимуют на берегах Северного моря в Голландии, Германии и Дании.

Особь, гостившая в Опочке, была непугливой.

Птица часто выходила на берег реки, позволяла себя фотографировать, охотно ела хлеб вместе с кряквами, но, в отличие от уток, подолгу щипала на берегу зеленую траву, которая затянувшейся теплой осенью 2016-го не пожухла и в преддверии зимы.

По сообщениям местных жителей, на левом берегу Великой, под дубами, белощекая казарка подбирала и ела желуди.

Если эта птица резко выделялась в утиной стае и сразу привлекала к себе внимание своим бело-черно-серым оперением, то белолобый гусь (вид определил орнитолог НП «Себежский» С.А. Фетисов) в глаза не бросался.

Это была молодая особь, ещё не приобретшая характерную для взрослых белолобых гусей окраску.

Белолобый гусь в нашей стране гнездится в тундре, от полуострова Канин до востока Чукотки, и в других местах.

Птицы из европейских тундр зимуют в Западной Европе.

На зимовку и обратно белолобый гусь может лететь по Беломорско-Балтийскому пути или же через центр Европейской России. Весной и осенью миграционные пути бывают различными.

В Опочке на Великой белолобый гусь держался не так свободно, как белощекая казарка. На берег он выходил вместе с ней или же в утиной стае и тоже подолгу кормился стеблями ещё зелёной травы.

Марина ЯКОВЛЕВА

Редактор М.С. Яковлева